

DOI 10.15393/j9.art.2018.4781

УДК 821.161.1.09“18”

Игорь Алексеевич Виноградов

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)*

iwinigradow@mail.ru

МОНОЛОГ Н. В. ГОГОЛЯ В МНОГОГОЛОСЬЕ «ЖЕНИТЬБЫ»

Аннотация. Статья посвящена изучению замысла комедии Н. В. Гоголя «Женитьба» в едином творческом и биографическом контексте. Определяется связь пьесы с ранними гоголевскими произведениями, повестями «Вечеров на хуторе близ Диканьки», с комедией «Ревизор», с «Невским проспектом», с историей позднейшего предполагаемого сватовства писателя и давними монашескими устремлениями Гоголя. В «полифонии» «Женитьбы» выявляется скрытая авторская позиция, аскетическое отношение писателя к браку, а также связь замысла пьесы с житийной литературой. Отмечены библейские и евангельские реминисценции, определявшие круг размышлений Гоголя о путях спасения в монашестве или в брачном союзе. Намечены идейно-тематические переключки между «Женитьбой» и сохранившимися главами второго тома «Мертвых душ». Установлены вероятные прототипы некоторых гоголевских героев. Подчеркивается единство творческого пути художника.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, биография, творчество, интерпретация, герменевтика, концепт, духовное наследие

Для понимания замысла комедии Гоголя «Женитьба» (1833–1842) важное значение имеет авторское толкование другого драматического произведения писателя. В 1846 г. к своей знаменитой пьесе «Ревизор» Гоголь написал особое объяснение, которое назвал «Развязкой Ревизора». Толкование «Ревизора» в «Развязке...» настолько неожиданно, что додуматься до него, совершенно точно, никогда не смог бы никакой исследователь-литературовед, так что без подсказки автора особый смысл, заключенный в этой пьесе, остался бы для нас навсегда закрытым.

В своем неожиданном признании Гоголь, судя по всему, приоткрыл самый процесс зарождения замысла его комедии:

«Всмотритесь-ка пристально в этот город, который выведен в пьесе: все до единого согласны, что такого города нет во всей России, не слыхано, чтобы где были у нас чиновники все до единого такие уроды; хоть два, хоть три бывает честных, а здесь ни одного. Словом, такого города нет. Не так ли? Ну, а что, если это наш же душевный город, и сидит он у всякого из нас?» [16, 492].

В свете этого объяснения самое начало пьесы, состоящее из реплик нескольких героев, напуганных вестью о ревизоре: «Как ревизор?» — «Как ревизор?» — «Господи Боже! еще и с секретным предписанием!» [16, 221], — без всяких комментариев напоминает состояние души человека, застигнутого врасплох внезапно открывшимся ему смыслом неизбежного ответа Богу за прожитую жизнь. Судя по словам Гоголя в «Развязке...» и строкам первой черновой редакции «Ревизора», создание его комедии именно так и начиналось — с тревожного «монолога» «душевного города» автора, воочию представившего себя пред «Тем, Кто позовет на очную ставку всех людей» [16, 492]: «“Что вы говорите?..” — “Неужели?” — “Нет?” — “Он будет сюда?”» [12, 141–142].

Вызвавшая недоуменное отношение современников «Развязка Ревизора» — одно из важнейших признаний Гоголя о сути его художественного метода. Нельзя не прислушаться к этому объяснению, нельзя игнорировать его, как это делалось — и порой еще делается — вот уже более чем полтора века со времени появления «Развязки Ревизора». «Делители» Гоголя на «раннего» и «позднего» до сих пор уверенно полагают, что будто бы толкование «Ревизора» как внутреннего «душевного города» писатель искусственно придумал, «навязал» пьесе задним числом, стремясь «подогнать» свое прежнее творчество под якобы изменившееся у него к концу жизни мировоззрение. (Было бы излишне цитировать работы, повторяющие, одна за другой, это расхожее мнение. Для примера укажем лишь на многократно переиздававшуюся, в разных редакциях, книгу о Гоголе М. Б. Храпченко: [41, 519].)

Вопреки этим заявлениям, взгляды Гоголя на протяжении всего его творческого пути обладают несомненной цельностью и единством. Органичная, неразрывная связь существует и между «Ревизором» и его позднейшим толкованием

в «Развязке...». Но и этого важного наблюдения еще недостаточно. Значение «Развязки Ревизора» отнюдь не замыкается рамками одного произведения, но тесно связано со всем предшествующим творчеством писателя.

Проблематика «Ревизора», раскрытая в «Развязке...», обнаруживается в целом ряде других гоголевских произведений, включая самые ранние: в «Сорочинской ярмарке», «Записках сумасшедшего», «Тарасе Бульбе», «Коляске», «Риме», в статьях «О Средних веках», «О сословиях в государстве» (см.: [26, 328–330]). Из этого ряда наиболее значимым является то, что идеи, высказанные в «Развязке Ревизора» (те духовные размышления, которые определили замысел комедии при самом его зарождении) (см.: [9, 450–460]), были изложены писателем — в другой форме, но почти в той же последовательности — в 1841 г. в одиннадцатой главе «Мертвых душ» [9, 327–328]. Значение «Развязки Ревизора» оказывается, таким образом, гораздо шире, чем просто истолкование «Ревизора» — она представляет собой некий автокомментарий ко всему гоголевскому творчеству (см. об этом: [5, 618–655]).

Не составляет исключения в этом отношении и комедия Гоголя «Женитьба». Понимание «Ревизора» как «душевного города» вполне применимо и к этому произведению. В разнообразном многоголосье действующих лиц пьесы слышен напряженный, драматический «монолог» внутреннего «душевного города» самого Гоголя.

Сама по себе «Женитьба» — пожалуй, наиболее загадочное произведение писателя. Каких-либо пояснений к этой пьесе, сделанных самим Гоголем, не сохранилось. Из наиболее очевидного в истории создания «Женитьбы» можно указать на то, что в ее первоначальной редакции (носившей название «Женихи» [13, 245]) действие происходило не в Петербурге, а в деревне, что сближает пьесу с содержанием «Ночи перед Рождеством», — а именно с образами Солохи и ее четырех ухажеров (столько же женихов у Агафьи Тихоновны). С этой же ранней повестью — «Ночью перед Рождеством» — комедию объединяет и то, что в обоих произведениях действие разворачивается в пост: в «Ночи перед Рождеством» — в строгий Рождественский сочельник, в «Женитьбе» — во время Великого

поста. Об этом обстоятельстве извещает зрителя сам главный герой в начале пьесы, в первой же реплике. Незадолго до смотрин невесты он замечает: «Вот опять пропустил мясоед» [16, 313] (то есть дождался поста, когда не венчают). Тем не менее, обращаясь в тот же день к своей избраннице, герой восклицает:

«Да позвольте, сударыня, я хочу, чтобы сей же час было венчанье <...> чтобы сию же минуту было венчанье» [16, 360–361].

Создавал Гоголь «Женитьбу» около десяти лет. «Писано в 1833 году» [16, 311] — таким указанием он сопроводил свое «Совершенно невероятное событие в двух действиях» при публикации комедии в собрании сочинений 1842 г. Таким образом, начата была «Женитьба» вскоре после издания «Вечеров на хуторе близ Диканьки», когда Гоголю было двадцать четыре года, а закончена — в тридцатитрехлетнем возрасте. Очевидно, что это те годы в жизни писателя, когда мысль о браке так или иначе не могла не приходиться ему в голову.

Неудивительно, что именно «Женитьба», как и ранние повести «Вечеров...», помогает понять, почему писатель так и не связал себя семейными узами, а оставался до конца своих дней «монахом в миру». Школьный приятель Гоголя В. И. Любич-Романович вспоминал, что религиозность и склонность к монашеской жизни были заметны в Гоголе «еще с детского возраста, когда он воспитывался у себя на родном хуторе в Миргородском уезде и был окружен людьми богобоязливymi и вполне религиозными» (цит. по: [6, 572]). Когда впоследствии писатель «готов был заменить свою светскую жизнь монастырем», он лишь вернулся к этому «первоначальному» своему настроению. «Все это так было понятно для нас, знавших Гоголя со школьной скамейки, но непонятно для тех, кто его знает только по отзывам историков...» — добавлял Любич-Романович (цит. по: [6, 572]). По словам гоголевского соученика, в этой особенности лежит ключ к пониманию всех произведений писателя, в том числе «Женитьбы»:

«Было большою ошибкою биографов Гоголя не заглянуть в душу поэта <...>. И сатира-то Н<иколая> В<асильевича> вся была проникнута духом отрицания земного бытия, если строго

разобрать его смех, идущий через льющиеся слезы <...>. А “Женитьба”?. Разве это не то же отрицание земного?.. Все это в сатиру было обращено Гоголем только потому, что ведь иначе трудно же было ему выразить все его отрицание земли... Во всяком случае он думал, что его поймут и отведут ему здесь подобающее место... Но он ошибся в этом, и его не поняли...» (цит. по: [6, 572]).

Один из вероятных прообразов главного героя комедии — выпрыгивающего в окно жениха Подколёсина — знаменитый украинский философ и поэт-богослов Григорий Саввич Сковорода. В 1836 г., в период активной работы над комедией, Гоголь в издаваемом его друзьями «Московском Наблюдателе», по-видимому, прочел любопытный рассказ о Г. С. Сковороде И. И. Срезневского, своего коллеги и единомышленника в изучении украинской старины. В рассказе повествуется о том, как однажды, на одном из хуторов между Белгородом и Харьковом, странствующий философ влюбился в хуторянку Лёну, а затем — подобно гоголевскому Подколёсину — сбежал от нее прямо из-под венца:

«Священник взял за руку прежде жениха и потом он взял за руку невесту. “По доброй ли воле соединяете вы руки свои?” Григорий Савич вздрогнул и вырвал свою руку из руки Священника. <...> Григорий Савич скрылся из храма, — и никто никогда не видал его в тех местах» [36, 733].

Лишь такой поступок и можно было ожидать от бродячего философа, бежавшего отовсюду, где он ни бывал: «Странный человек был Григорий Савич. Был он когда-то сиротой и бежал от родных <...>. Был он придворным певчим <...>, но испросил себе отставку <...>. Потом пришел Григорий Савич в Харьков — навсегда, и убежал из Харькова...» [35, 205–206].

В этом свете гоголевская «Женитьба», подобно рассказу о бежавшем от брачной жизни Сковороде, являет собой определенную реминисценцию житийного повествования об Алексии, человеке Божиим, расставшемся со своей невестой сразу после обручения. Даже если Гоголь, создавая «Женитьбу», ничего не знал о жизни Сковороды (что маловероятно), то житие Алексия, человека Божия, покинувшего близких

и родных ради подвижнической жизни (как, впрочем, и многих других христианских подвижников, поступавших таким же образом), было, несомненно, известно ему с детства.

Один из драматургов и историков русского театра Н. Д. Волков проницательно заметил: «Брак как открытие нового мира, как путь к пониманию смысла жизни, — но ведь это не тот брак, что совершается через свах, брак как сделка с росписью приданого в руках. И, ужаснувшись такого безлюбивного брака, Гоголь предпочел одиночество <...>. Ибо, как и Подколёсину, стало ему страшно, “на всю жизнь, на весь век, как бы то ни было, связать себя и уж после ни отговорки, ни раскаяния, ничего, ничего — все сделано”» [10, 25].

О браке как сделке Гоголь размышлял опять-таки уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Всеобщее веселье по поводу состоявшейся свадьбы, изображаемое в «Сорочинской ярмарке», еще одной из повестей этого цикла, вызывает у самого автора скорее грустные, чем веселые чувства: «И тяжело и грустно становится сердцу, и нечем помочь ему!» [15, 112]. «Громкое хлопанье по рукам и распиванье могогарыча <...> дадут знать вам, <что> сделка или покупка совершены» [11, 326], — как бы подсказывает рассказчик в черновой редакции этой повести мысль о том, что заключение брака между его героями отнюдь не принадлежит к сфере «возвышенной» жизни, но, напротив, относится к весьма обыденной и «низменной» ее области — столь же «низменной», как и заключение прозаической торговой сделки: «Что? по рукам? А ну-ка, новобранный зять, давай магарычу!» [15, 94].

Похожий «торг» совершается и в «Ночи перед Рождеством»:

«Чуб немного подумал, поглядел на шапку и пояс: шапка была чудная, пояс также не уступал ей; <...> и сказал решительно: “Добре! присылай сватов!”» [15, 207].

Оба эпизода ранних повестей Гоголя представляют собой очевидную реминисценцию украинской свадебной песни, многочисленные записи которых сохранились в его рукописных сборниках:

«Чи се тыи чоботы, що зять дав?

А за тыи чоботы дочку взяв!» [25, 346].

Интересно, что один из первых рецензентов «Вечеров на хуторе близ Диканьки», литератор А. Я. Стороженко, коренной уроженец Украины, хотя и не понял до конца гоголевской мысли, однако весьма чутко уловил это намеренно подчеркнутое в «Сорочинской ярмарке» противоречие между высоким смыслом свадебного обряда и обстановкой, в которой он совершается. «Возможно ли, — писал земляк Гоголя, — чтобы поселяне Малороссии, строго наблюдающие обычаи, освященные временем, такой торжественный обряд, как свадьба, стали праздновать среди ярмарки, приехавши на оную для продажи пшеницы и кобылы? Разве Солопий и Хивря цыганы, не имеющие своей собственной хаты? Разве у них и у дочки нет ни роду, ни племени?» [37, 226]. Однако очевидно, что неуместность свадебного обряда среди ярмарочного торга — вовсе не досадный «недочет» Гоголя или пренебрежение им народными обычаями, но скрытое нравоучение, адресованное внимательному читателю.

Есть в «Женитьбе» еще одна прозаичная, «пошлая» реминисценция, указывающая на «низменность» — разительную противоположность духовным устремлениям изображенного здесь сватовства. Этот мотив комедии в черновой ее редакции в устах одного из героев, рассуждающих о преимуществах брака, звучал крайне откровенно:

«Коли то-есть женатый человек, уж совсем другой пример. <...> И вечером уж не таскаешься по Невскому или по Мещанской, потому что знаешь, что в доме то есть сожительница есть» [13, 326–327].

Реплика героя «развивает» тему гоголевского «Невского проспекта», где упоминаются, с одной стороны, те из чиновников, что «большую часть сидят дома» — «или потому, что это народ женатый, или потому, что им очень хорошо готовят кушанье живущие у них в домах кухарки-немки»; с другой — та часть чиновников, и молодых, и «почтенных», что в сумерках преследуют «издали завиденных дам, которых толстые губы и щеки, нащекатуренные румянами, так нравятся многим гуляющим» [16, 12].

В 1842 г., вскоре после премьеры комедии в Александринском театре, возмущенный театральным рецензент заметил по поводу одного из «женихов» «Женитьбы», моряка Жевакина: «Изображать такими красками морских офицеров, отличающихся у нас вообще образованностью, знакомых с правилами чести и общежития, ей, ей, недостойно писателя, слывущего нравоописательным и сатирическим» [38, 17].

Со своей стороны приятельница Гоголя (а также близкий друг Пушкина, Жуковского и многих других писателей) Александра Осиповна Смирнова свидетельствовала, что как-то, во время одного из своих путешествий, она встретила морского офицера, который был «совершенно как капитан Жевакин Гоголя и говорил те же самые вещи»: «Знаете ли, как попостился два или три года, приедешь в порт и увидишь женский пол, тут сейчас и влюбишься, какой-нибудь этакой розовый бутончик, как вы, например, сударыня, приведший вас в восторг, этакой, такой, что мое почтение...» [7, 288].

Заочный «спор» современников — и самый замысел комедии — вновь проясняет творческая история пьесы — дополнительная возможность установить один из реальных прототипов изображенных в ней «женихов». При создании образа моряка Жевакина Гоголь воспользовался книгой хорошо известного в те годы писателя А. С. Норова «Путешествие по Сицилии, в 1822-м году» (СПб., 1828). Внимание Гоголя в этой книге привлекло следующее описание Сицилии: «Домы главных улиц <...> не имеют крыш, которые заменены террасами <...> жилые этажи испещрены <...> балконами. К вечеру все жители переселяются на них <...>. Глаза <...> беспрестанно останавливаются на прелестных лицах женщин...» [32, 65].

Это описание и легло в основу рассказов Жевакина о Сицилии:

«...у них ведь возле каждого дома балкончики, и крыши, вот как этот пол, совершенно плоски. Бывало, эдак смотришь, и сидит эдакой розанчик...» [16, 331].

(Кстати сказать, на «соблазнительное» содержание книги Норова обратил внимание не только Гоголь. Еще один из друзей писателя, одессит Н. Н. Мурзакевич, позднее прямо

называл Норова «сладострастным автором “Путешествия по Сицилии, в 1822 г.”» [8, 761].)

Одна из заветных мыслей Гоголя на протяжении всей его жизни — убежденность в исключительной, «пророческой» роли писателя в современном обществе. Понятна в этом свете и столь же глубоко присущая Гоголю тревога о судьбе поэта-«пророка», мысль о возможном отступлении художника от его призвания и ниспадении в «омут светских отношений». Такую мысль воплотил, в частности, в 1840-х гг. в цикле акварелей «Октябрьские праздники» давний римский друг и единомышленник Гоголя художник Александр Андреевич Иванов, создатель знаменитой картины «Явление Мессии». Подсказанные Гоголем сюжеты ивановских акварелей вобрали в себя вполне конкретный жизненный материал. Браки с итальянками заключали в Риме многие друзья Гоголя и Иванова — члены существовавшей здесь колонии русских художников. Ту же мысль сам Гоголь стремился передать в годы проживания в Риме в повести с одноименным названием, размышляя при этом (по воспоминаниям П. В. Анненкова) об «эффekte», который производят римские «полки монахов» — в белых, черных и рыжих одеждах — «в среде пестрых итальянских женщин или удалой римской молодежи» [8, 449], то есть напоминая о том исповедничестве, каким является само ношение священником его одежды среди «ветрено-кружащегося племени» [18, 44].

В 1846 г. Гоголь, откликаясь на стихотворение поэта Николая Языкова о библейском богатыре, погибшем от рук прельстившей его красавицы, писал:

«Твой “Сампсон” прекрасен; от него дышит библейским величием. Но смысл его я понимаю так: Сампсон, рассерженный своими врагами, глумящимися над его бессилием, происшедшим от забвения высшего служения Богу ради всяких светских мелочей, потрясает наконец храмину, дабы погубить в своих врагах врагов себе и вместе с ними погубить прежнего самого себя, дабы на место его явился вновь еще сильнееший силач, служащий Богу» [22, 357].

По Гоголю, всякая «мертвая душа», самый «пошлый» человек заключает в себе образ и подобие Божие — что и служит

залогом ее будущего воскресения. Как и у всякой души, у героя «Женитьбы» — «пошлого» Подколёсина — есть, несомненно, свое высокое назначение. Позднее Гоголь, отмечая в одном из своих писем необходимость занятия дворянами «невидных должностей и неприманчивых мест» провинциального управления, восклицал:

«...ни в каком случае не должно упускать из виду того, что это те же самые дворяне, которые в двенадцатом году несли все на жертву, — все, что ни было у кого за душой» [18, 103].

К похожему служению назначен и главный жених комедии — тем более, что «надворный советник тот же полковник, только разве что мундир без эполет» [16, 314].

Мысль о высоком «образе и подобии», о святости подразумевается в гоголевской пьесе и в том невозможном сочетании запредельных похвал, адресованных свахой *воскресному* наряду невесты:

«А к воскресному-то как наденет шелковое платье — так вот те Христос, так и шумит» [16, 317].

Это же вопиющее, «кричащее» сочетание, когда роскошное женское платье на воскресной службе словно вытесняет из храма Самого Бога («шелковое платье» — «вот те Христос»), Гоголь повторил в первом томе «Мертвых душ», в восьмой главе:

«Во время обедни у одной из дам заметили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви...» [17, 154–155].

Скорее всего, Гоголь, знаток Священного Писания, создавая этот образ, имел в виду вдохновенное описание в Книге пророка Исаии восседающего на престоле Бога, в одеждах, заполняющих весь храм: «В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм» (Ис. 6:1). «...и исполнь домъ славы Его», — так звучит заключительная фраза в Библии на церковнославянском языке. Но, поскольку Гоголь в 1840 г. общался с преподобным Макарием (Глухаревым), ему, вероятно, был известен тогдашний перевод о. Макария на русский язык этой библейской книги, в котором соответствующее

место читается следующим образом: «...и длинное одеяние Его наполняло весь храм» [28, 12].

Вспомним пушкинский «Домик в Коломне», о котором Гоголь с восторгом отзывался еще в 1831 г.:

Люблю летать, заснувши наяву,
 В Коломну, к Покрову — и в воскресенье
 Там слушать русское богослуженье.
 Туда, я помню ездила всегда
 Графиня... (звали как, не помню, право)
 Она была богата, молода;
 Входила в церковь с шумом, величаво;
 Молилась гордо (где была горда!).
 Бывало, грешен! всё гляжу направо,
 Всё на нее [34, 88].

Это прямая параллель к образу прельщенного дьяка в написанной тогда же «Ночи перед Рождеством»:

«А пойдет ли, бывало, Солоха в праздник в церковь, надевши яркую плахту с китайчатою запаскою, а сверх ее синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы, и станет прямо близ правого крылоса, то дьяк уже верно закашливался и прищуривал невольно в ту сторону глаза...» [15, 176].

Можно вспомнить в этой связи и о владычествующей в храме прекрасной мертвой панночке в «Вии».

Согласно росписи приданого, у Агафьи Тихоновны «шесть пар шелковых и шесть пар ситцевых платьев» [16, 329], т. е. «всего-навсего» двенадцать платьев (в черновой редакции нарядов у нее было вдвое больше — по «дюжине» того и другого [13, 256]). (Здесь: пара платья — верхняя женская одежда, костюм из кофты и юбки.) «Двойником» героини «Женитьбы» в ее любви к нарядам является жена Городничего Анна Андреевна в «Ревизоре», что «четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы» [16, 219]. Позднее в статье «Женщина в свете» Гоголь писал: «...большая часть взяток, несправедливостей по службе и тому подобного, в чем обвиняют наших чиновников и не чиновников всех классов, произошла <...> от расточительности их жен, которые так жадничают блистать в свете большим и малом и требуют на то денег от мужей...» [18, 14]. «Сколько муж ни делает канальства,

бездельничества и мерзостей из-за того, чтоб жене достать денег на наряд!..» [14, 804] — восклицает по этому поводу Чичиков в отдельном черновом наброске к восьмой главе «Мертвых душ».

Тогда же Гоголь обращался к Н. М. Языкову:

«Возвеличь в торжественном гимне незаметного труженика, какие, к чести высокой породы русской, находятся посреди от-
важнейших взяточников, которые не берут даже и тогда, как все берет вокруг их. Возвеличь <...> и благородную жену его, которая лучше захотела носить старомодный чепец и стать предметом насмешек других, чем допустить своего мужа сделать несправедливость и подлость» [18, 69–70].

Имея в виду владелицу модного магазина в Петербурге мадам Сихлер (или Циклер, Sichler), Гоголь в еще одной статье — «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России» — замечал: «...настоящее *comme il faut* (комильфо; *фр.* — *буквально*: как надо, как следует. — *И. В.*) есть то, которое требует от человека Тот Самый, Который создал его, а не тот, <...> который сочиняет всякий день меняющиеся этикетки, даже и не сама мадам Сихлер» [18, 127]. Упоминание об этой законодательнице петербургской моды встречается также в первой редакции повести Гоголя «Портрет» 1834 г. Здесь говорится о нетерпеливом желании молоденькой дочери светской дамы встретиться с приятельницей, чтобы рассказать, «какую мадам Сихлер сделала уборку к платью княгини Б.» [19, 291]. Имя Сихлер часто встречается в письмах и бумагах *Пушкина*; у нее постоянно заказывала свои наряды жена поэта Наталья Николаевна. Долги Пушкина Сихлер вплоть до самой его смерти постоянно обновлялись.

Словом, с какой бы стороны мы ни рассматривали гоголевскую «Женитьбу»: в ее предыстории, истории, творческом, биографическом, социальном контексте, — везде мы встречаем настороженное отношение Гоголя к браку. Объясняя гибель Пушкина, Гоголь говорил: «Он хотел оставить Петербург и уехать в деревню; жена и родные уговорили остаться» [8, 748]; «Пушкин за год до смерти действительно хотел бежать из Петербурга в деревню; но жена не пустила...» [8, 701].

Целый каскад уверений о «законности» женитьбы, о «супружеском долге» [13, 283], рассыпаемых в комедии устами свахи и Кочкарева («Закон исполнил» [16, 318]; «Бог благодать послал» [16, 318]; «Брак это <...> обязанность...» [16, 360]; «Дело христианское, необходимое даже для отечества» [16, 319]), пронизаны откровенной иронией Гоголя. Все эти пассажи стоят в одном ряду с похожим утверждением «набожной» свахи Феклы о некоем надворном советнике с его особенным «нравом»: «...что ни скажет слово, то и совет <...>. Что ж делать, так уж ему Бог дал. <...> Такая уж на то воля Божия» [16, 317]. Эти обескураживающие реплики — прямой комментарий автора к «благочестивым» речам его «богословствующих» героев: «Уж так Бог то есть создал: уж коли родился на свет, то уж конечно на то, чтобы с него был жене муж» [13, 326] (строки черновой редакции пьесы). По поводу подобных толкований «воли Божией» «невзрачный, но ядовитого свойства господин» в гоголевском «Театральном разезде после представления новой комедии» замечает:

«...ведь нравственность вещь относительная. <...> Один называет нравственностью сниманье ему шляпы на улице; другой <...> услуги, оказываемые его любовнице. <...> говорит: “Милостивый государь, старайтесь исполнить свой долг относительно Бога, Государя, Отечества”, — а ты, мол, уж там себе разумей, относительно чего» [16, 463].

«В какую дрянь вмешался» [16, 320], — говорит уже спустя минуту после заклинаний о непреложности брака та же Фекла, когда Кочкарев вместо нее берется за сватовство.

Кроме гардероба, несомненно, «знаковым» в росписи приданого невесты является упоминание женихом Яичницей о «четырёх больших» и «двух малых» пуховиках [16, 329]. Рассуждая по этому поводу, герой замечает: «...как женишься — только и найдешь, что пуховики да перины» [16, 329]. В сцене подглядывания в замочную скважину «свата» Кочкарева «подушке», «родственной» пуховикам и перинам, уподобляется в пьесе и сама невеста: «И распознать нельзя, что такое белеет: женщина или подушка» [16, 333]. Обе реплики героев вместе представляют собой реминисценцию еще

одного куплета из обширного гоголевского собрания мало-российских песен:

«Ой, козаче гарный, не ходи до Ганны,
А ходы до Марушки на билы подушки,
А в Марушки душки четыре подушки,
А пята маленька, сама молоденька» [25, 187].

(Еще одно сходное сравнение женщины с подушкой встречается у Гоголя в черновых набросках к восьмой главе «Мертвых душ»: «...танцевал с своей дамой, точно с подуш<кой>...» [14, 608].)

Несмотря на комическую «амбивалентность», — почти не позволяющую решить, насколько серьезны — и могут ли вообще содержать что-либо серьезное, — все эти шуточные пассажи, тем не менее забавные реплики героев обнаруживают вполне аскетический мотив гоголевской комедии. По свидетельству П. В. Анненкова, сам Гоголь в начале 1840-х гг. «добрую часть ночи» проводил, «дремля на диване и не ложась в постель», а «со светом взбивал и разметывал свою постель», чтобы служанка, прибиравшая комнаты, не узнала об этом обычае своего жильца [8, 450–451]. Подобную практику отнюдь нельзя приписать исключительным особенностям «позднего» Гоголя. (Обычай проводить ночь в молитве, заменив сон недолгим дреманием в кресле, писатель сохранял до конца жизни [8, 913].) Об одном из видов монашеской аскезы — спании на голой земле — Гоголь писал еще в «Страшной мести» (1832). Так, покаянные обеты колдуна в этой повести:

«Покаюсь, пойду в пещеры, надену на тело жесткую власяницу... <...> не постелю одежды, когда стану спать!» [15, 227] —

определенно перекликаются здесь со словами о святом схимнике, которого убивает колдун:

«Уже много лет, как он затворился в своей пещере. Уже сделал себе и дощатый гроб, в котором ложился спать вместо постели» [15, 240].

Этому соответствует еще одно место «Страшной мести»:

«На лавках спит с женою пан Данило. <...> Но козаку лучше спать на гладкой земле при вольном небе; ему не пуховик и не перина нужна; он мостит себе под голову свежее сено и вольно протягивается на траве» [15, 214].

Очевидно, что спание на мягком (на «пуховиках» и «перинах» — с женою) и покаянные монашеские обеты колдуна («не постелю одежды, когда стану спать») соотнесены Гоголем с преступной любовной страстью этого «нечестивого грешника». Неудивительно поэтому, что центральный в повести эпизод подсматривания пана Данила за волхвованием колдуна — где он видит, как «что-то белое, как будто облако, веяло посреди хаты <...> чудится <...> что <...> женщина...» [15, 222] — прямо перекликается с комической репликой о «женщине или подушке» подглядывающего за невестой Кочкарева.

Гоголь всю жизнь относился к супружеству так же, как его герой, — так что в итоге и о самом авторе «Женитьбы» можно было бы сказать: «...оне-с выпрыгнули в окошко» [16, 364]. Но как бы мы ни относились к убеждениям писателя, нельзя сомневаться в его полной искренности, в том, что «настоящее его призвание было монашеское» [7, 270]. Такой окончательный вывод сделал в 1852 г., вскоре после кончины Гоголя, его близкий друг Василий Андреевич Жуковский.

В одной из ранних статей, написанных еще в Петербурге в первой половине 1830-х гг., Гоголь замечал, что «как в лучистом камне есть невидимый свет, который он отливает», так же самые непримечательные, на первый взгляд, происшествия подчас содержат в себе глубокий смысл: «Везде есть нить, как во всякой ткани есть основа, хотя она иногда совершенно бывает заткана утком...» [19, 179]. («Заток, уток, поперечное тканье», — пояснял позднее писатель в составленном им Словаре русского языка [20, 462].) Иначе говоря, в красочном, неповторимом полотне гоголевских художественных образов всегда есть определяющая идея, канва, по которой они «вышиты». Всегда в гоголевских произведениях есть «основа», которая, подобно «рыжему капуцину» [16, 194] среди веселящейся беспечной молодежи из повести «Рим», напоминает о вечности.

Но здесь возникает еще одна проблема. Кроме «Развязки Ревизора» Гоголь написал к «Ревизору» сразу несколько авторкомментариев («Характеры и костюмы. Замечания для гг. актеров», «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору», «Театральный разъезд после представления новой комедии», «Петербургская сцена в 1835–36 г.», «Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”» и др.). Для «Женитьбы», однако, Гоголь ничего подобного не оставил. Здесь реальным комментарием к гоголевскому произведению стала сама жизнь писателя — как и его последующее творчество.

Главный вывод о создателе «Женитьбы», проясняющий ее замысел, — что «настоящее его призвание было монашеское», — неполон, если обойти вниманием еще одно немаловажное обстоятельство, непосредственно связанное с гоголевским «монологом» о браке в его «свадебной» комедии. Как можно предположить, именно высокий накал духовных устремлений писателя, его несомненное превосходство над своими героями и породившими их прототипами, — иначе говоря, «высокий смех» Гоголя над «пошлостью» жизни, — и создали ту ситуацию, когда в конце жизни он сам (предположительно) оказался в положении своего незадачливого героя. Возможно, за «Женитьбу», за «насмешку» над брачным союзом — каким бы ни был этот неидеальный союз — Гоголю попустием Божиим самому, для смирения, суждено было испытать чувства сватающегося Подколёсина — и даже пережить то состояние, о котором писатель только догадывался, создавая пьесу: «А преконфузно, однако же, должно быть, если откажут» [16, 353].

Была еще одна причина, почему «монолог» Гоголя в «Женитьбе» требовал — по мере духовного роста писателя — своего продолжения. Для достижения подлинно христианского, незамутненного, взвешенного отношения к браку (не допускающего ни тени осуждения супружества) душа создателя комедии нуждалась в очищении соответствующим — сродным осмеянным явлениям испытанием — согласно любимым Гоголем строкам Книги пророка Иеремии: «...аще изведеши

честное от недостойного, яко уста Моя будеши...» (Иер. 15:19) [8, 749]. Относясь к своей жизни как к самоотверженному служению, Гоголь наследовал не только серьезные аскетические традиции, но одновременно и вполне бытовое, народное, часто не лишённое комизма отношение к браку. Наиболее ярко это отношение выразилось в строках известной солдатской песни: «Наши жены — пушки заряжены, / Вот где наши жены». Такое же отношение унаследовал, к примеру, глубоко проникнутый народной культурой украинский поэт и драматург И. П. Котляревский, с которым Гоголь, по преданию, познакомился в 1832 г. (Среди самых ранних выписок в гоголевской «Книге всякой всячины» — несколько извлечений из шуточной «Енеиды» (1798) Котляревского [20, 520–524]. В свою очередь, к его веселому «Москалю-Чаривнику» (1820) очень близка комедия отца Гоголя, Василия Афанасьевича, под названием «Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом».) В 1804 г. в одном из своих стихотворных произведений, похвальной оде малороссийскому генерал-губернатору князю А. Б. Куракину (имевшей хождение в списках), Котляревский, в частности, писал: «А про жінку да про діти / Думати тобі коли?.. <...> Ні, про се ти не згадаеш: / Жінку ти другую маеш <...>. Жінка у тебе — Полтава, / Син — Чернігів, честь же, слава — / Дочки; от весь рід твій тут!» [29, 254]. Так же, как в гоголевской комедии, мысль о служении противопоставляется в этих строках брачному союзу и окрашена изрядной долей юмора.

Знакомство с этой традицией критического, отчасти пренебрежительного отношения к браку Гоголь обнаруживает уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в «Ночи перед Рождеством», где раздраженный капризами красавицы Оксаны кузнец Вакула «насвистывает» народную песню «Мені з жінкою не возиться» [15, 185]. Полный текст этой песни — под названием «Про козака Сагайдачного» («Що проминяв жінку / На тютюн да люльку¹») — в свою очередь сохранился в гоголевском обширном сборнике украинских исторических песен и дум, многие из которых были использованы также писателем при создании «Тараса Бульбы»: «Мені з жінкою не возытьця, / А тютюн да люлька / У дорози козакови / Знадобыться» [25, 394]. Отсюда, очевидно, открывается связь проблематики

«Женитьбы» с содержанием «Тараса Бульбы». В своей казацкой эпопее Гоголь, с одной стороны, выражает сочувствие женщине: «...она была жалка, как всякая женщина того удалого века. Она миг только жила любовью <...>, и уже суровый прельститель ее покидал ее для сабли, для товарищей, для бражничества» [15, 310]; с другой — вполне разделяет казацкое отношение к браку, осмысляемому в свете главного призвания запорожских «рыцарей»: «...он <Тарас> тешил себя заранее мыслию, как он явится с двумя сыновьями своими в Сечь и скажет: “Вот посмотрите, каких я молодых привел к вам!..”» [15, 309]. (Брак как самоцель в образе предателя Андрия в повести безусловно отвергается.)

Сам по себе вопрос о монашеских устремлениях Гоголя не так прост, как может показаться на первый взгляд. Об этом косвенно свидетельствуют хотя бы строки одной из его статей в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Монастырь ваш — Россия!» [18; 90, 96]. По поводу отношения писателя к браку его племянница А. В. Быкова, в частности, сообщала:

«Моя мать Елисавета Васильевна была любимую сестрою дяди... И сколько она принесла ему горя своим замужеством! Не думайте, чтобы дядя имел что-либо против отца, нет, он его очень любил и уважал; но в последние годы своей жизни стал относиться к браку вообще враждебно. Брак, по его мнению, был несчастием, от которого он хотел уберечь любимую сестру. “За Олю я покоен, — говаривал дядя о другой своей сестре, Ольге Васильевне, — она замуж не выйдет”. Тетя по-видимому оправдывала надежды брата. Жизнь вела уединенную в нашем родовом имении Васильевке-Яновке, лечила крестьян травами, которые привозил и присылал ей из Петербурга дядя, а в свободное время молилась Богу <...>. Такой образ жизни как нельзя больше был по душе набожному дяде, набожность которого в последнее время его жизни возрастала все более и более. Тетя Оля думала даже идти в монастырь, и намерение ее встретило со стороны дяди сочувствие, но дядя умер, тетя вскоре встретила Головню... Сама стала Головнею... Только третья сестра писателя Анна Васильевна осталась девушкою и ею умерла» [6, 274].

Сам Гоголь в послании к Языкову от 10 февраля 1842 г. писал: «...нет выше удела на свете, как звание монаха» [21, 12].

В июне 1845 г. он даже выражал прямое «желание поступить в монастырь» [8, 574]. Позднее, в «Выбранных местах из переписки с друзьями», в статье «Чей удел на земле выше», датированной 1845 г., Гоголь замечал:

«Никак не могу сказать вам, чей удел на земле выше и кому суждена лучшая участь. Прежде, когда я был поглупее, я предпочитал одно звание другому, теперь же вижу, что участь всех равно завидна» [18, 153].

В «Авторской исповеди», относящейся к лету 1847 г., Гоголь, в свою очередь, признавался:

«Мне, верно, потяжелей, чем кому-либо другому, отказаться от писательства, когда это составляло единственный предмет всех моих помышлений, когда я всё прочее оставил, все лучшие приманки жизни и, как монах, разорвал связи со всем тем, что мило человеку на земле, затем чтобы ни о чем другом не помышлять, кроме труда своего» [18, 241].

В том же году, вынашивая планы устройства брака графини А. М. Виельгорской с графом В. В. Апраксиным, Гоголь писал художнику А. А. Иванову, увлеченному, со своей стороны, планами женитьбы на сестре Апраксина, графине Марии Владимировне Апраксиной (вышедшей вскоре замуж за князя С. В. Мещерского):

«Я не понимаю <...>, зачем <...> вы привели слова евангелиста Луки. Если вы подумали о каком домашнем очаге, о семейном быте и женщине, то, сами знаете, вряд ли эта доля для вас! Вы — нищий, и не иметь вам так же угла, где приклонить главу, как не имел его и Тот, Которого пришествие дерзаете вы изобразить кистью! А потому Евангелист прав, сказавши, что иные уже не свяжутся никогда никакими земными узами» [23, 367].

Понять в полной мере, о чем идет речь в гоголевском послании, помогают строки черновика письма Иванова к Апраксиным, где тот замечал: «...Евангелист Лука в восторге описал последнюю ступень супружеского совершенства: они не женятся и замуж не будут выходить, как обыкновенные люди, [но яко Ангелы Божии]...» [2, 669] (Лк. 20:35–36). Это своеобразное толкование слов Спасителя о *невступлении* в брак «сынов

воскресения» (Иванов же стремился истолковать это состояние как «последнюю ступень *супружеского* совершенства») художник, очевидно, и привел в письме к Гоголю. Гоголь, как следует из его ответа, такое толкование решительно отверг.

Парадокс, однако, заключается в том, что, пожурив Иванова, Гоголь спустя лишь чуть более года сам попал «в ту же историю». Событие это связано со спорным, еще не достаточно изученным вопросом о предполагаемом гоголевском сватовстве. Круг источников в этом загадочном вопросе настолько ограничен, что, по нашему мнению, в настоящее время достоверность этого предания не может быть ни подтверждена, ни опровергнута. Однако это не означает, что до возможного открытия новых мемуарных свидетельств, касающихся этого неясного факта биографии Гоголя, путь к изучению проблемы для нас закрыт. Представляется очевидным, что для художника такого склада как Гоголь, для которого писательство составляло «единственный предмет всех <...> помышлений» [18, 241], любое значимое событие личной жизни — даже менее весомое, чем сватовство, — не могло остаться явлением частным и пройти бесследно для его творчества. Обратимся к истории вопроса.

Речь пойдет об уже упомянутой графине Анне Михайловне Виельгорской (1822–1861), устройством судьбы которой Гоголь был озабочен в 1847 г. Впервые о «влюбленности» Гоголя в Анну Виельгорскую было упомянуто в 1886 г. в посмертно изданных мемуарах известного писателя графа В. А. Соллогуба, замужем за которым была одна из сестер Анны Виельгорской, Софья. Сообщая об этом «факте», Соллогуб был немногословен: «...Анна Михайловна, кажется, единственная женщина, в которую влюблен был Гоголь...» [6, 653]. Однако спустя три года биографом Гоголя Шенроком было напечатано еще одно свидетельство, в котором говорилось уже не только о «влюбленности» Гоголя, но даже о его «сватовстве» к юной графине: «...в вопросе о точном установлении времени сватовства Гоголя к А. М. Виельгорской <...> трудно устранить сбивчивость и колебания, так как здесь мы имеем дело с фактом, который по самому своему существу

был особенно тщательно скрываем. <...> Гоголь <...> обратился с запросом к графине через Алексея Владимировича Веневитинова, женатого на старшей дочери Виельгорских, Аполлинаруи Михайловне. Зная взгляды своих родственников, Веневитинов понял, что предложение не может иметь успеха, и напрямик сказал о том Гоголю» [7, 77]. Новые сведения появились, таким образом, из того же круга — на этот раз от родственников мужа другой сестры Виельгорской — Аполлинаруи (в замужестве Веневитиновой). Таким образом, первоначально информация исходила от двух зятёв Анны Михайловны, т. е. от мужей ее сестер.

Шенрок тогда же задумал написать статью «Сватовство Гоголя», однако это вызвало возражения сестры Гоголя Анны Васильевны, и намерение биографа было оставлено.

Возражения сестры Гоголя сводились к следующему. Во-первых, Анна Васильевна указывала, что Гоголь «всегда говорил, что он не способен к семейной жизни» [6, 155–156]. Во-вторых, возражая Шенроку, Анна Васильевна отметила, что переписка Гоголя не только не показывает его намерений жениться на Виельгорской, но даже обнаруживает как бы прямо противоречащие этому намерению планы, а именно желание выдать ту же Виельгорскую замуж за другого — за молодого графа Апраксина, племянника графа Александра Петровича Толстого.

На возражения Анны Васильевны Гоголь Шенрок в свое время отвечал. Намерение Гоголя выдать сначала графиню Виельгорскую замуж за другого выглядело действительно странно, и Шенрок попытался объяснить это тем, что, мол, «раз запавшая мысль о пристройстве Анны Михайловны, незаметно для <...> самого <Гоголя>, развилась в особую привязанность к ней» [7, 361]. С другой стороны, говоря о переписке Гоголя, будто бы не содержащей намеков на сватовство, Шенрок указал на строки гоголевского письма к Виельгорской от мая 1849 г.:

«...если бы <...> каждый помолился покрепче Богу <...>, мы бы <...> все стали чрез несколько времени в такие отношения друг к другу, в каких следует нам быть. Тогда бы и мне и вам оказалось видно и ясно, чем я должен быть относительно вас. <...> Может

быть, я должен быть не что другое в отношении <вас>, как верный пес, обязанный беречь в каком-нибудь углу имущество господина своего» [24, 227].

В этих строках Шенрок увидел «явные намеки» на сватовство Гоголя в 1848 г.

Добавим к этому еще несколько наблюдений, касающихся самих *мотивов* приезда Гоголя в Петербург осенью 1848 г., когда состоялось его предполагаемое сватовство (писатель пробыл тогда в северной столице три с небольшим недели, с 16 сентября по 9 октября). Он приехал в Петербург (с намерением вскоре вернуться в Москву) за деньгами, хранившимися у П. А. Плетнева (см. письмо Гоголя к Плетневу от 2–4 апреля 1848 г. из Бейрута: [24, 40]), а также для того, «чтобы взглянуть на многое собственным глазом» (см. письма Гоголя к В. А. Жуковскому от 15 июня 1848 г. из Полтавы: [24, 94]; и к М. П. Погодину от 6–7 октября 1848 г. из Петербурга: [24, 124]). Кроме того, Гоголь намеревался навестить друзей, в частности, графиню Анну Виельгорскую, которой 15 июня 1848 г. писал из Полтавы:

«Может быть, мне удастся на несколько деньков заглянуть к вам в Петербург около августа месяца. Хотя это и не совсем для меня удобно, но мне так хочется увидеть и обнять многих, что я, вероятно, употреблю с своей стороны все силы к тому, несмотря на повсеместные холеры, болезни и всякие бесчинства» [24, 93].

8 июля 1848 г. Виельгорская отвечала Гоголю из Павлино (дача Виельгорских под Петербургом): «...приезжайте к нам скорее: мы вас ожидаем с нетерпением и увидим с душевной радостью» [24, 107].

Еще один возможный весомый аргумент в пользу предположительно последовавшего сватовства — многозначительная заметка в записной книжке Гоголя 1846–1850 гг., начинающаяся словами: «Прежде всего обязанности мужа и жены вообще» [20, 710–711] (эта заметка упоминается обычно с условным названием <О браке>). Судя по расположению записи, сделана она была, по-видимому, именно в сентябрьские дни 1848 г., когда Гоголь оказался в Петербурге у Виельгорских. Таким образом, накануне визита в записной книжке он делает набросок о христианских началах брака, где замечает:

«...в основании христианского союза должно лежать спасенье души. В него вступать как в Божью пустынь, монастырь, почему недаром уподобляет апостол союз супругов союзу Христа с Церковью» [20, 711].

(Имеются в виду слова св. апостола Павла в Послании к Ефессянам: «...муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви...» — Еф. 5:23.)

Примечательно, что именно в этой заметке Гоголь вдруг прибегает к тем же странным рассуждениям, которые приводил ранее в письме к нему художник Иванов, мечтая о браке с Апраксиной. Гоголь словно не замечает, что «монастырь» и «пустынь» мало подходят для сравнения с брачным состоянием. «Год приготовления к супружеству... — пишет Гоголь, — <...> и, осенясь крестом, приниматься за дело, как в строгом монастыре, как в строгой школе» [20, 711].

Несомненно, эти размышления являются продолжением раздумий Гоголя о путях спасения — в монашестве или в брачном союзе. Апостольское понимание семьи как малой Церкви едва ли не подменяется здесь (как ранее у Иванова) понятием «малого монастыря», что, вероятно, диктуется чаянием вступить в брак, не изменяя монашеским устремлениям. Этот путь, возможный для духовного брака, подобного браку близких друзей писателя, графа А. П. Толстого и графини А. Г. Толстой (урожд. княжны Грузинской), в отдельных случаях является, несомненно, опасным.

Примечательна в этой связи судьба архимандрита Феодора (Бухарева), написавшего в 1848 г. «Три письма к Н. В. Гоголю...» (опубл.: СПб., 1861) и впоследствии часто обращавшегося к гоголевскому творчеству даже в своих лекциях, читанных в Московской Духовной академии (см.: [31, 121], [30, 118]). В адресованных Гоголю письмах архимандрита Феодора содержится глубокий и содержательный разбор «Мертвых душ», предпринятый в свете «Выбранных мест из переписки с друзьями» [39, 205–230]. Однако в связи с последующей судьбой о. Феодора, снявшего с себя церковный сан и вступившего в брак, особое внимание привлекает характерное для «Трех писем к Н. В. Гоголю...» частое обращение А. М. Бухарева

к размышлениям о роли женской красоты в возможном перерождении главного героя «Мертвых душ» Чичикова, а также к тем письмам-статьям Гоголя из его последней книги, в которых говорится о благотворном влиянии женщины в современном обществе. Судя по восприятию о. Феодором «Выбранных мест из переписки с друзьями», в самой гоголевской книге, с очевидностью обнаруживающей монашеские устремления писателя, есть особый, «параллельный» этим устремлениям подтекст, наводящий на мысли о «женитьбе» — как реальной (воплотившейся в судьбе Бухарева), так и изображенной ранее в творчестве Гоголя в одноименной комедии.

Характерно, что в Павлино, на дачу к Виельгорским, Гоголь отправился сразу по приезде в Петербург в 1848 г., в первый же день прибытия. Об этом он сообщал Плетневу:

«Был у тебя уже два раза. На дачу (имеется в виду дача Спасская мыза, где проводил свободное время Плетнев. — *И. В.*) не мог попасть и не попаду, может быть, ни сегодня, ни завтра. <...> Я еду сейчас с Миха<и>л<ом> Юрьев<ичем> Виельгор<ским> в Павлино <...>. По случаю торжественного фамильного их дня (дня именин сестры Анны Виельгорской, Софьи, 17 сентября. — *И. В.*), отказаться мне было невозможно» [24, 122].

Позднее, в мае 1849 г., в письме к самой Виельгорской Гоголь признавался: «...я много выстрадался с тех пор, как расстался с вами в Петербурге» [24, 227]. Если сватовство осенью 1848 г. действительно состоялось, то Гоголь позднее глубоко переживал последовавший отказ. Кроме письма к Виельгорской от мая 1849 г., об этом может свидетельствовать дневниковая запись одесской знакомой Гоголя Е. А. Хитрово от 6 января 1851 г.:

«После обеда <...> Гоголь попробовал было читать <...>: "...я <...> вам почитаю комедию Мольера "Агнесу" которую начал; мне нужно ее кончить²; меня просили в театральной дирекции, а дома никак не соберусь; вы меня одолжите". <...> Гоголь так вошел в роль отвергнутого старика, так превосходно выразил горько-безнадежные страсти, что все смешное в старике исчезло: отзывалась одна несчастная страсть <...>. Гоголь был вне себя. Лицо его сделалось, "как у испуганной орлицы"³.

Он долго был под влиянием страстных дум, может быть, разбуженных воспоминаний» [8, 743].

Приведенными свидетельствами исчерпываются все известные в настоящее время факты, касающиеся вопроса о предполагаемом сватовстве Гоголя. Хотя этих сведений явно недостаточно, чтобы делать какие-либо определенные выводы в пользу либо достоверности, либо недостоверности предания, однако некоторые подходы к решению проблемы кроются, как нам кажется, именно в том странном факте, что предполагаемому сватовству Гоголя к Виельгорской предшествовала попытка писателя устроить ее брак с графом Апраксиным.

Идея познакомить Апраксина с Виельгорской возникла у Гоголя в начале 1847 г. В январе он писал ей из Неаполя в Петербург: «Спешу, пользуясь счастливой оказией и посредством моего доброго приятеля Викт<ора> Влад<имировича> Апраксина <...> написать также и вам несколько строчек...» [23, 18]. Спустя три месяца он спрашивал Виельгорскую:

«Напишите мне, как вам показался Апраксин. Он на мои глаза показался совсем не похожим на других молодых людей, исполнен намерений благих и намерен заняться не шутя благосостоянием *истинным* своего огромного имения и людей, ему подвластных» [23, 171].

Виельгорская отвечала:

«...вы меня <...> просили писать вам, как мне понравится молодой Апраксин. Я его вовсе не видала. Он был раз у маменьки, а потом заболел на всю зиму, и весной, как только он выздоровел, он отправился в Москву» [23, 287].

Получив ответ, Гоголь не оставил своих намерений. Спустя некоторое время он предпринял новую попытку познакомить молодых людей, на этот раз за границей, в своем личном присутствии. В начале августа того же года он писал из Остенде графине Луизе Карловне Виельгорской, матери предполагаемой невесты: «Скажите, какой Апраксин в Нордерне?⁴ <...> я ему просто напишу, чтобы он приезжал сюда» [23, 408]. Письмо было отправлено, о чем Апраксин спустя несколько дней извещал мать: «...я получил письмо от Гоголя, который умоляет

меня приехать» [7, 80]. Одновременно Гоголь отправил и послание графу А. П. Толстому, где писал:

«...я узнал, что племянник ваш <...> Апраксин находится в Нордерне <...>. Я написал ему письмо, в котором прошу его заглянуть в Остенде <...>. Хорошо, если бы он познакомился и узнал Ан<ну> Миха<й>лов<ну>. Почему знать? Может быть, они понравились бы друг другу. У Виктора Вл<адимировича> желанье сильное сделаться помещиком и заняться не шутя благоустройством крестьян. В таком случае вряд ли ему во всей России найти где лучшую помощницу, которая <...> рассуждает так умно об этом деле, как я не встречал никого из нашей братьи мужчин» [23, 407–408].

Спустя некоторое время Гоголь вновь пишет Толстому из Остенде:

«Вчера приехал сюда ваш племянник <...> Апраксин. <...> Он очень умный и очень желающий действовать полезно; только и думает, чтобы заняться деревней, хозяйством и благосостоянием крестьян. От Вьельгорских я получил на днях известие. Они едут к 1 сентября» [23, 423].

Обратим внимание на то, что во всех письмах, где заходит речь об Апраксине, Гоголь настойчиво отмечает намерение юного графа «заняться не шутя благосостоянием *истинным* своего огромного имения и людей, ему подвластных». Неизменно подчеркивая это намерение, Гоголь замечает, что «в таком случае вряд ли ему во всей России найти где лучшую помощницу», чем Виельгорская (см. выше письмо Гоголя к Толстому).

В научной литературе уже высказывалось предположение, что отмеченное Гоголем намерение графа Апраксина «серьезно» заняться благосостоянием его крестьян прямо отразилось в «Выбранных местах из переписки с друзьями», а именно в статье «Русский помещик» [27, 694]. Главное содержание этой статьи как раз и составляет идея восстановления «прежних» патриархальных «уз, связывавших помещика с крестьянами». Очевидно, что, помышляя о союзе Апраксина с Виельгорской, Гоголь прямо руководствовался представлениями, изложенными в статье «Русский помещик». В еще одном письме к графу А. П. Толстому, отправленном около 14 августа (н. ст.) 1847 г.

из Остенде, Гоголь прямо указывал: «О племяннике вашем я подумал потому, что в нем есть большая ревность к хозяйству и забота об устройении судьбы крестьян. Вот почему мне подумалось о том, что ему нужна была бы умная помощница в таком деле» [23, 417].

Но молодые люди не заметили друг друга. И вот тогда Гоголь, увлеченный заветными идеями, по-видимому, сам попытался применить к жизни чаемый им тип хозяйственника и семьянина, задумав сделать предложение графине Виельгорской — в воображении или в действительности — уже от своего имени. Подтверждение этой догадки можно найти в том, что именно в духе статьи «Русский помещик» и написано указанное письмо Гоголя к Виельгорской, в отдельных выражениях которого Шенрок видел свидетельство гоголевского сватовства. Идея заботы о крестьянах является, по сути, *главным* содержанием этого послания:

«...мы еще не довольно друг друга узнали и на многое *очень важное* взглянули легко <...>. Вы бы <...> меня лучше узнали, если бы случилось нам прожить подольше где-нибудь вместе не праздно, но за делом. Зачем, в самом деле, не поживете вы в подмосковной вашей деревне? Вы уже более двадцати лет не видали ваших крестьян. Будто это безделица: они нас кормят, называя нас же своими кормильцами, а нам некогда даже <...> взглянуть на них! Я бы к вам приехал также. Мы бы все вместе принялись дружно хозяйничать и заботиться о них, а не о себе. <...> Тогда бы и мне и вам оказалось видно и ясно, *чем* я должен быть относительно вас» [24, 227].

В те же месяцы Гоголь писал матери и сестрам:

«Прошу вас почаще выезжать смотреть самим на <...> полевые работы. <...> Как бы то ни было, бедные крестьяне в поте лица работают на нас. А мы, едя их хлеб, не хотим даже взглянуть на труды рук их. <...> Жестоко наказываются целые поколения, когда, позабыв о том, что они в мире затем, чтобы <...> в поте лица возделывать землю, приведут себя в состояние белоручек. Всё тогда, весь мир идет наыворот — и начинаются казни, хлещет бич гнева небесного» [24, 175].

«Что ни говори, — как бы добавлял Гоголь в статье “Русский помещик”, — но поставить 800 подданных, которые <...>

могут быть примером всем окружающим своей истинно примерною жизнью, — это дело не бездельное и служба истинно законная и великая» [18, 115].

Таким образом, вопрос о предполагаемом сватовстве Гоголя приобретает важное значение не только для биографии писателя, но и для истолкования его творчества — и не только для изучения «Женитьбы» и «Выбранных мест из переписки с друзьями». Возможным становится переход к главному произведению Гоголя — поэме «Мертвые души».

Не так давно был подробно изучен вопрос об автобиографических истоках образа одного из главных героев второго тома поэмы — помещика Тентетникова. Этот образ создавался Гоголем во многом по его собственным школьным, а также первоначальным петербургским воспоминаниям (см.: [3, 14–55], [4, 135–220]). Так, в образе дяди Тентетникова отразились некоторые черты двоюродного дяди самого Гоголя — Ивана Петровича Косяровского, служившего в Петербурге, а в описании радушной встречи Тентетникова крестьянами, когда «узнавши о приезде барина, население всей деревни собралось к крыльцу» [17, 254], нашли отражение впечатления самого Гоголя по приезде из Иерусалима в Васильевку 9 мая 1848 г. С хозяйскими распоряжениями Гоголя весны 1848 г. перекликаются и попытки Тентетникова наладить полевые работы в его имении.

Примечательны размышления «русского помещика» Тентетникова: «Я помещик: званье это <...> не бездельно. Если я позабочусь о <...> улучшеньи участи вверенных мне людей и представлю государству триста исправнейших, трезвых, работающих подданных — чем моя служба будет хуже службы какого-нибудь начальника отделения...» [17, 252]. Очевидно, что эти планы Тентетникова, которого, согласно замыслу автора, ожидал впереди брак с соседской девушкой, прямо перекликаются с размышлениями Гоголя о значении семьи и помещичьего хозяйства, а также с отзывами о возможном благодетеле крестьян графе Апраксине.

Не надо далеко ходить и в поисках прототипа невесты Тентетникова — Ульки. В августе 1854 г. Иван Сергеевич Аксаков писал родным по поводу несостоявшейся женитьбы И. С. Тургенева:

«Вы не получаете от Тургенева писем: здесь мне рассказывали про него, что он женится <...> говорят <...> на граф<ине> Велиеградской. Я рад был бы за Тургенева, если б <это> случилось <...>. Граф<иня> Велиеградская, служившая прототипом Гоголевой Улиньке, может иметь на Тургенева благотворное влияние, разорвет узы, связывающие его с грязным и безнравственным обществом Ив<ана> Панаева и компании» [1, 299–300].

Примечательны в связи с этой характеристикой Анны Михайловны слова Гоголя об его Улиньке, что «при ней как-то смущался недобрый человек и немел; самый развязный и бойкий на слова не находил с нею слова» [17, 386]. Плетнев в письме к Я. К. Гроту от 19 марта 1847 г. также говорил об Анне Михайловне Виельгорской, что «это существо еще небеснее (если только уж возможно) и Софьи Михайловны» (имеется в виду графиня С. М. Соллогуб, сестра А. М. Виельгорской) [33, 30]. Подруга Виельгорской баронесса М. П. Фредерикс, в свою очередь, замечала о ней: «Она имела на меня громадное влияние в религиозном и нравственном отношении» [40, 82]. Именно такая «Улинька» — Анна Виельгорская — должна была стать женой будущего идеального помещика Тентетникова.

(Может показаться некоторым противоречием то, что Гоголь, избравший в качестве прототипа идеальной красоты девушки Улиньки графиню Виельгорскую, в письме к ней же от 29 октября 1848 г. сам заявлял: «Ведь вы нехороши собой. Знаете ли вы это достоверно? Вы бываете хороши только тогда, когда в лице вашем появляется благородное движение; видно, черты лица вашего затем уже устроены, чтобы выражать благородство душевное; как скоро же нет у вас этого выражения, вы становитесь дурны» [24, 133]. По-видимому, дело заключалось в особенностях внешнего облика Виельгорской. На это, помимо Гоголя, указывала баронесса Фредерикс:

«Собой она была не хороша, но имела то обаяние, которое лучше всякой красоты и которое делает женщину идеальной. Она внушала очень многим несчастную любовь; они сгорали страстью к ней, но она долго не хотела слышать о замужестве. <...> Вышла она замуж уже не молодой, по просьбе отца на его смертном одре (ум. в 1856 г. — *И. В.*), за князя Александра Ивановича

Шаховского; но этот человек хотя ее и любил, но далеко отстоял от ее нравственной высоты. Она недолго была замужем и скончалась, оставив после себя дочку нескольких месяцев» [40, 82].)

Очевидно, что идеи статьи «Русский помещик» красной нитью проходят сквозь все размышления Гоголя, так или иначе связанные с темой брака графини Виельгорской. Оставляя открытым вопрос о степени достоверности предания о его сватовстве к ней, следует сделать вывод, что идеальный русский помещик, идеальное русское поместье — вот главное, что составляло сердцевину этого матримониального проекта Гоголя. Именно проекта, персонажами которого, с одной стороны, последовательно выступали то граф Апраксин, то сам Гоголь, то его герой помещик Тентетников, а с другой, — неизменным составляющим звеном оказывалась графиня Виельгорская. Единым же связующим началом всего этого является не «мысль о пристройстве Анны Михайловны», как утверждал Шенрок, — но идея патриархального православного хозяйствования, опорой которого должен был стать основанный на чувствах любви и долга христианский брак.

Из сказанного следует еще один важный вывод. Очевидно, что собственный житейский опыт был важен для Гоголя не столько сам по себе, сколько как материал для художественного воплощения, как средство упрочения того «дела жизни» [18; 87, 236], которому он посвятил свое творчество. Другими словами, Гоголь всегда и во всем оставался художником (а значит, по его собственному определению «писательства», и «монахом, разорвавшим связи со всем тем, что мило человеку на земле»), и даже в вопросе предполагаемой «женитьбы» (обсуждаемой в его знаменитой комедии) и реального сватовства — было оно или не было — поступал прежде всего как исследователь и одновременно «строитель» русской жизни.

Примечания

¹ на табак и трубку (*пер. с укр.*).

² «Это — комедия l'École des femmes <Школа женщин> (1662), где старик Арнульф, приготовлявший для себя в молодой девушке Агнессе жену-рабыню, влюбляется в нее под влиянием ее непорочной любви к юноше Орасу. П. Б.» (примеч. П. И. Бартенева: [8, 756]).

³ Стих из «Пророка» А. С. Пушкина.

⁴ Нордерней — остров в Северном море, один из немецких курортов.

Список литературы

1. Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856 / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. — М.: Наука, 1994. — 654 с.
2. Виноградов И. А. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. — М.: ИД «XXI век — Согласие», 2001. — 776 с.
3. Виноградов И. А. «Необыкновенный наставник»: И. С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ» // Новые гоголеведческие студии. — Симферополь; Киев, 2005. — Вып. 2 (13). — С. 14–55.
4. Виноградов И. А. Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. — М.: Наука, 2007. — Вып. 1. — С. 135–220.
5. Виноградов И. А. Завязка Ревизора // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 3–4. — С. 618–655.
6. Виноградов И. А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2011. — Т. 1. — 904 с.
7. Виноградов И. А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. — М., ИМЛИ, 2012. — Т. 2. — 1031 с.
8. Виноградов И. А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2013. — Т. 3. — 1168 с.
9. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: в 7 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — Т. 2: 1829–1836. — 672 с.
10. Волков Н. Д. Несколько наблюдений над «Женитьбой» Гоголя // Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина (ГЦТМ). — Ф. 468. — Ед. хр. 446. — 32 л.
11. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [в 14 т.] / тексты и коммент. подгот. И. Я. Айзеншток, Н. П. Андреев, А. И. Белецкий, Г. С. Виноградов, В. В. Гиппиус, М. К. Клеман, Н. К. Пиксанов, Н. Л. Степанов, П. Т. Щипунов. — [Л.]: АН СССР, 1940. — Т. 1. — 556 с.
12. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [в 14 т.] / тексты и коммент. подгот. В. В. Гиппиус, В. Л. Комарович. — [Л.]: АН СССР, 1951. — Т. 4. — 552 с.
13. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [в 14 т.] / тексты и коммент. подгот. М. П. Алексеев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, А. Л. Слонимский. — [Л.]: АН СССР, 1949. — Т. 5. — 512 с.
14. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [в 14 т.] / тексты и коммент. подгот. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур. — [Л.]: АН СССР, 1951. — Т. 6. — 924 с.
15. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 1–2. — 663 с.

16. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 3–4. — 680 с.
17. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 5. — 674 с.
18. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 6. — 741 с.
19. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 7. — 816 с.
20. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 9. — 968 с.
21. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 12. — 698 с.
22. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 13. — 587 с.
23. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 14. — 606 с.
24. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 15. — 618 с.
25. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2010. — Т. 17. — 936 с.
26. Гоголь Н. В. Ревизор. С приложениями / сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова; вступ. ст. И. А. Виноградова. — М.: МИД «Синергия», 1995. — 352 с. (Серия «Новая школьная библиотека»).
27. Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / публ. и коммент. Л. Ланского [Л. Р. Каплана] // Литературное наследство. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — Т. 58. — С. 533–772 [Электронный ресурс]. — URL: <http://litnasledstvo.ru/site/book/id/32> (12.01.2018).
28. [Исаия, св. пророк]. Книга пророка Исаии. (Опыт переложения на русский язык). Алтайского миссионера Архимандрита Макария [Глухарева]. — М.: В Университетской типографии (Катков и К°), 1863. — 113 с.
29. Кулиш П. А. Котляревский // Основа. — 1861. — Январь. — С. 235–262.
30. Лаврский В., протоиерей. Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухареве) // Богословский Вестник. — 1906. — Т. 2. — № 5. — С. 98–128.
31. [Модестов С. С., протоиерей]. Из воспоминаний протоиерея С. С. Модестова // У Троицы в Академии. 1814–1914. Юбилейный сборник исторических материалов. — М., 1914. — С. 112–130.

32. Норов А. Путешествие по Сицилии, в 1822-м году. — СПб., 1828. — Ч. 1. — 245 с.
33. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. — СПб., 1896. — Т. 3. — 854 с.
34. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. / ред. С. М. Бонди, Н. В. Измайлов, Б. М. Эйхенбаум, Д. П. Якубович; общ. ред. С. М. Бонди. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — Т. 5. — 544 с.
35. Срезневский И. И. Майор, майор! Рассказ // Московский Наблюдатель. — 1836. — Ч. VI. — № 2. — Март. — Кн. II. — С. 205–238.
36. Срезневский И. И. Майор, майор! Рассказ // Московский Наблюдатель. — 1836. — Ч. VI. — № 4. — Апрель. — Кн. II. — С. 721–736.
37. [Стороженко А. Я.] Андрий Царынный. Мысли Малороссиянина, по прочтении Повестей Пасичника Рудаго Панька, изданных им в книжке под заглавием: *Вечера на хуторе близ Диканьки*, и рецензий на оныя (продолжение) // Сын Отечества и Северный Архив, журнал литературы, политики и современной истории, издаваемый Николаем Гречем и Фаддеем Булгариным. — 1832. — Т. 25. — № 4. — С. 223–242.
38. Театральная хроника. Александринский театр // Репертуар Русского и Пантеон Всех Европейских Театров, на 1842 год, издаваемый И. Песоцким и книгопродавцем В. Поляковым. — 1842. — Кн. 24. — [Отд. 2]. — С. 16–17.
39. Феодор (Бухарев), архимандрит. О героях поэмы «Мертвые души» // Н. В. Гоголь и Православие. Сборник статей о творчестве Н. В. Гоголя. — М.: Издательский дом «К единству!» Международного общественного Фонда единства православных народов, 2004. — С. 205–230.
40. [Фредерикс М. П.] Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Исторический Вестник. — 1898. — Т. 71. — Январь. — С. 52–87.
41. Храпченко М. Б. Николай Гоголь. Литературный путь. Величие писателя. — М.: Современник, 1984. — 653 с.

Дата поступления в редакцию: 15.01.2018

Дата публикации: 31.03.2018

Igor A. Vinogradov

A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

iwinigradow@mail.ru

THE MONOLOGUE OF N. V. GOGOL IN THE POLYPHONY OF “MARRIAGE”

Abstract. The article is dedicated to the study of the idea of Gogol’s comedy “Marriage” in the single creative and biographical context. It is traced the relation of the play with the early Gogol’s works, the stories “Evenings on a Farm near Dikanka”, the comedy “The Inspector General”, “Nevsky Prospekt”, with the history of the writer’s later probable matchmaking and old monastic aspirations of Gogol. The “polyphony” of “Marriage” reveals the hidden author’s position, an ascetic attitude of the writer to marriage, as well as the connection between the idea of the play and hagiographic literature. Biblical and evangelical reminiscences are mentioned determining the circle of Gogol’s reflections on the ways of salvation in monasticism or in marriage. The ideological and thematic common points between the “Marriage” and the existing chapters of the second volume of the “Dead Souls” are outlined. Some possible prototypes of Gogol’s heroes are asserted. The unity of the artist’s creative path is emphasized.

Keywords: Gogol, biography, creative work, interpretation, hermeneutics, concept, spiritual heritage

References

1. Aksakov I. S. *Pis'ma k rodnym. 1849–1856* [Letters to Relatives. 1849–1856]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 654 p. (In Russ.)
2. Vinogradov I. A. *Aleksandr Ivanov v pis'makh, dokumentakh, vospominaniyakh* [Alexander Ivanov in Letters, Documents, Memories]. Moscow, Izdatel'skiy dom «21 vek — Soglasie» Publ., 2001. 776 p. (In Russ.)
3. Vinogradov I. A. “An Extraordinary Teacher”: I. S. Orlay as a Prototype of One of the Heroes of the Second Volume of “Dead Souls”. In: *Novye gogolevedcheskie studii* [New Gogol Studies]. Simferopol, Kiev, 2005, issue 2 (13), pp. 14–55. (In Russ.)
4. Vinogradov I. A. A Poem “Dead Souls”: Problems of Interpretation. In: *Gogolevskiy vestnik* [The Gogol Herald]. Moscow, Nauka Publ., 2007, issue 1, pp. 135–220. (In Russ.)
5. Vinogradov I. A. The Plot of The Inspector General. In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Gogol N. V. Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 3–4, pp. 618–655. (In Russ.)

6. Vinogradov I. A. *Gogol' v vospominaniyakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyy sistematicheskiiy svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoe izdanie: v 3 tomakh* [Gogol in Memoirs, Diaries, Letters of His Contemporaries: The Complete Digest of Documentary Records: in 3 Vols]. Moscow, The Maxim Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011, vol. 1. 904 p. (In Russ.)
7. Vinogradov I. A. *Gogol' v vospominaniyakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyy sistematicheskiiy svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoe izdanie: v 3 tomakh* [Gogol in Memoirs, Diaries, Letters of His Contemporaries: The Complete Digest of Documentary Records: in 3 Vols]. Moscow, The Maxim Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012, vol. 2. 1031 p. (In Russ.)
8. Vinogradov I. A. *Gogol' v vospominaniyakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyy sistematicheskiiy svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoe izdanie: v 3 tomakh* [Gogol in Memoirs, Diaries, Letters of His Contemporaries: The Complete Digest of Documentary Records: in 3 Vols]. Moscow, The Maxim Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013, vol. 3. 1168 p. (In Russ.)
9. Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852): v 7 tomakh* [The Chronicle of Life and Work of N. V. Gogol (1809–1852): in 7 Vols]. Moscow, The Maxim Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017, vol. 2: 1829–1836. 672 p. (In Russ.)
10. Volkov N. D. A Few Observations on Gogol's "Marriage". In: *Arkhivno-rukopisnyy otdel Gosudarstvennogo tsentral'nogo teatral'nogo muzeya im. A. A. Bakhrushina* [The Manuscript Department of A. A. Bakhrushin State Central Theater Museum], fund 468, storage unit 446, 32 sheets. (In Russ.)
11. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [Complete Works: in 14 Vols]. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1940, vol. 1. 556 p. (In Russ.)
12. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [Complete Works: in 14 Vols]. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1951, vol. 4. 552 p. (In Russ.)
13. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [Complete Works: in 14 Vols]. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, vol. 5. 512 p. (In Russ.)
14. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [Complete Works: in 14 Vols]. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1951, vol. 6. 924 p. (In Russ.)
15. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 1–2. 680 p. (In Russ.)
16. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 3–4. 680 p. (In Russ.)

17. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 5. 674 p. (In Russ.)
18. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 6. 741 p. (In Russ.)
19. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 7. 816 p. (In Russ.)
20. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 9. 968 p. (In Russ.)
21. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 12. 698 p. (In Russ.)
22. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 13. 587 p. (In Russ.)
23. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 14. 606 p. (In Russ.)
24. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 15. 618 p. (In Russ.)
25. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2010, vol. 17. 936 p. (In Russ.)
26. Gogol' N. V. *Revizor. S prilozheniyami* [The Inspector General. With Annexes]. Moscow, Mezhdunarodnyy izdatel'skiy dom «Sinergiya» Publ., 1995. 352 p. (In Russ.)
27. Gogol Through the Unpublished Correspondence of His Contemporaries (1833–1853). In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], 1952, vol. 58, pp. 533–772. Available at: <http://litnasledstvo.ru/site/book/id/32> (accessed on January 01, 2018). (In Russ.)
28. Isaiah, holy prophet. *Kniga proroka Isaii. (Opyt perelozheniya na russkiy yazyk). Altayskogo missionera Arkhimandrita Makariya (Glukhareva) [Isaiah, Holy Prophet. The Book of the Prophet Isaiah. (Experience of Translation into Russian). Altai Missionary Archimandrite Makariy (Glukharev)]*. Moscow, University printing house (Katkov i K°) Publ., 1863. 113 p. (In Russ.)
29. Kulish P. A. Kotlyarevsky. In: *Osnova* [The Basis], 1861, January, pp. 235–262. (In Russ.)
30. Lavrskiy V., archpriest. My Memoirs About Archimandrite Theodore (A. M. Bukharev). In: *Bogoslovskiy Vestnik* [Theological Bulletin], 1906, vol. 2, no. 5, pp. 98–128. (In Russ.)

31. Modestov S. S., archpriest. From the Memoirs of Archpriest S. S. Modestov. In: *U Troitsy v Akademii. 1814–1914. Yubileynyy sbornik istoricheskikh materialov* [The Trinity in the Academy. 1814–1914. Anniversary Collection of Historical Materials]. Moscow, 1914, pp. 112–130. (In Russ.)
32. Norov A. *Puteshestvie po Sitsilii, v 1822-m godu* [A Trip to Sicily, in 1822]. St. Petersburg, 1828, part 1. 245 p. (In Russ.)
33. *Perepiska Ya. K. Grota s P. A. Pletnevym* [Correspondence Between Y. K. Grot and P. A. Pletnev]. St. Petersburg, 1896, vol. 3. 854 p. (In Russ.)
34. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 tomakh* [Complete Works: in 16 Vols]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1948, vol. 5. 544 p. (In Russ.)
35. Sreznevskiy I. I. Major, Major! The Story. In: *Moskovskiy Nablyudatel'* [The Moscow Observer], 1836, part 6, no. 2, March, book 2, pp. 205–238. (In Russ.)
36. Sreznevskiy I. I. Major, Major! The Story. In: *Moskovskiy Nablyudatel'* [The Moscow Observer], 1836, part 6, no. 4, April, book 2, pp. 721–736. (In Russ.)
37. Storozhenko A. Ya. Andriy Tsarynniy. Thoughts of the Little Russian, After Reading the Novels of a Bee-Keeper Rudo Panka, Published in a Book Entitled: Evenings on a Farm Near Dikanka, and Reviews on the Those Ones (Continuation). In: *Syn Otechestva i Severnyy Arkhiv* [Son of the Fatherland and the Northern Archive], 1832, vol. 25, no. 4, pp. 223–242. (In Russ.)
38. A Theatre Chronicle. Alexandrinsky Theater. In: *Repertuar Russkogo i Panteon Vsekh Evropeyskikh Teatrov, na 1842 god* [The Repertory of Russian Theatre and the Pantheon of All European Theaters, for 1842]. 1842, book 24, section 2, pp. 16–17. (In Russ.)
39. Feodor (Bukharev), archimandrite. About the Heroes of the Poem “Dead Souls”. In: *N. V. Gogol' i Pravoslavie. Sbornik statey o tvorchestve N. V. Gogolya* [N. V. Gogol and Orthodoxy. A Collection of Articles on the Works of N. V. Gogol]. Moscow, Publishing House «K edinstvu!» of the International Public Foundation for the Unity of Orthodox Peoples Publ., 2004, pp. 205–230. (In Russ.)
40. Frederiks M. P. From the Memoirs of Baroness M. P. Frederiks. In: *Istoricheskiy Vestnik* [The History Herald], 1898, vol. 71, January, pp. 52–87. (In Russ.)
41. Khrapchenko M. B. *Nikolay Gogol'. Literaturnyy put'*. *Velichie pisatelya* [Nikolay Gogol. A Literary Way. The Writer's Greatness]. Moscow, Sovremennik Publ., 1984. 653 p. (In Russ.)

Received: January 15, 2018

Date of publication: March 31, 2018